

Читайте в серии:

ПЕПЕЛ АННЫ

ЗВЕЗДОЛЁТ С ПЕРЕБИТЫМ КРЫЛОМ

МЕРТВЕЦ

КУСАТЕЛЬ ВОРОН

ЭДУАРД ВЕРКИН

МЕРТВЕЦ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Веркин, Эдуард Николаевич.

В32 Мертвец / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-096442-0

Эдуард Веркин — один из ярких современных российских авторов, лауреат престижных литературных премий, настоящий наследник традиций Чехова, Платонова, Лема, братьев Стругацких, Дика, Брэдбери. В 2012 году роман Веркина «Друг-апрель» был включен в список выдающихся книг мира «Белые вороны», составляемый Мюнхенской международной детской библиотекой.

В книге «Мертвец» Эдуард Веркин как всегда мастерски рассказывает о взрослении, дружбе, о настоящих и подложных ценностях, о том, как зарождается вот это чудо — понимание себя и другого человека как отдельной вселенной.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Веркин Э., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-096442-0

ГЛАВА 1

Над вечным покоем

— **Т**елефон у тебя есть?
— Кате хочешь позвонить? — спросил Упырь.

Я помотал головой. Отрицательно.

— На, позвони. — Он достал из кармана мобильник, протянул мне.

— Да не хочу я никому звонить! — рыкнул я. — Не хочу! Просто спросил, на всякий случай...

— Ладно, ладно... — Упырь спрятал телефон. — Как скажешь...

Мы стояли у пруда, над головой со скрипом крутился ветряк, телефон у него есть, предупредительный, гад. А пошёл бы со своей предупредительностью...

— Катя хорошая, — сказал неожиданно Упырь. — Я с ней не очень хорошо знаком, но знаю, что она хорошая.

— С чего ты это взял? — спросил я. — А может, она дура?

— Нет. Она не дура. Они в августе на раскопки уезжают.

— На какие ещё раскопки? — удивился я.

Про августовские раскопки я не слышал. В ближайшее время намечалась большая метеоритная экс-

педия, это да, а вот раскопки... Про раскопки мне было ничего не известно.

— А ты не знал?! — Упырь аж подпрыгнул. — Они на Чёрное море собираются! С этим, Николаем Ивановичем, ну, из музея. Краеведческий кружок который ведёт, они грант вроде получили. Да у него и без гранта денег много...

Тут, кстати, ничего удивительного нет. В смысле, грант меня не удивил. И про Катюшку не удивительно — Катюшка в самом деле умная, все знают, она даже на областные олимпиады ездит. Откуда Упырь всё это знает? И эта экспедиция...

Радужная гадская рыба смотрела на меня из воды голубым глазом, будто понимала что, тварь.

— Будут скифские захоронения раскапывать, — продолжал Упырь. — Курганы. Их расчищают чёрные археологи, поэтому сейчас реализуется такая программа сбережения. Надо быстро раскопать самим, а то враги быстрее раскопают...

Да, в августе Катюшка будет раскапывать скифские захоронения. Отбиваясь от чёрных археологов облезлой сапёрной лопаткой. А я... Я не буду раскапывать захоронения. Разве что Сенька решит эксгумировать свою любимую болонку, он её уже два раза перезахоранивал, всё ему место не нравится. Говорит, хочет, чтобы местность как у Левитана была — «Над вечным покоем». Вот здесь бы ему понравилось, тут красивое место...

Ладно с ней, с болонкой, Катюшка в августе уедет, худо это.

— На целую неделю отправляются, — закончил Упырь. — Будем жить в степи...

— Чего? — не понял я. — Будем?

— Ну да. Я тоже, может быть, поеду. Если возьмут, конечно.

И Упырь невинно посмотрел мне в глаза.

— Ты что, тоже археолог?

— У нас в школе поисковый отряд работал, я туда ходил. Мы весной должны были ехать под Курск, но я вывихнул плечо. А потом, в следующем году, мы тоже готовились, но отец как раз переехал, и я уже не ходил в отряд. Но у меня остались контакты, если тебе интересно, мы можем опять записаться, там всегда ребята нужны... А ты сам что, не едешь на раскопки?

Я равнодушно пожал плечами.

— Я не археолог. — Я поглядел в пруд. — К тому же там жарко, я плохо жару переношу, задыхаюсь.

А эта дурацкая рыба всё пиялилась и пиялилась на меня, тяжело заглатывала воздух, будто в воде сидел птенец какой-то невиданной птицы. Я не удержался, поднял маленький камушек и щёлкнул его пальцем, попал этому карасю в лоб. Он обиженно булькнул и скрылся в корягах.

— Скифские курганы. — Я так слегка презрительно поморщился левой ноздрёй. — Да любой дурак курганы может раскапывать. Вот лучше бы провалы раскопали. Или донырнули туда.

— В провалы нырять?

— А что? Всякие дайверы едут за полмира, чтобы куда-то нырнуть — а тут у нас под боком отличные места для ныряния! Вот все говорят Секацкий, Секацкий... А ты думаешь куда Секацкий делся? Могу поспорить, что он в провал попал. И лежит там себе. А все боятся. Вот ты. Ты видел хоть один раз провал?

— Не...

— Ясно... Провал это... Это провал. Понял? Туда две Эйфелевы башни войдут!

— Понял, — сказал Упырь.

И зачем-то добавил:

— Круто. Круто было бы посмотреть.

И тут же в ноги дало. Да так, что колени соскочились, так что я покачнулся. И сразу же грохнуло.

Мачта ветряка железно прогудела, сверху посыпалась ржавая крошка, лопасти качнулись и издали противный и протяжный скрип. Упырь присел и слегка закрылся руками. Радужный карп за пятьсот баксов ошалело выскочил из своего водоёма и принялся бешено подпрыгивать на траве.

То ли учения начались, то ли боеспособность поддерживают. Бабушка рассказывала, что раньше тоже так вот часто запускали. Третье кольцо обороны Москвы, поясняя бабушка, ничего не поделаешь. Если американские ракеты пойдут на Москву через Северный полюс, тут их как раз встретят наши зенитки.

Карп подпрыгивал высоко и как-то неприятно осмысленно, будто не рыба тупая, а разумное существо. И звуки какие-то кашляющие издавал при этом, точно старичок. По траве побежали золотистые и красные чешуйки, их было много.

— Сейчас ещё бахнет... — растерянно сказал Упырь.

Но я и сам знал, что сейчас бахнет. Звуковой барьер. Ракета должна перейти звуковой барьер, при этом грохот не тише, чем когда её отстреливают из шахты. Только земля не так сильно дрожит.

Снова грохнуло, красный карп принялся скакать ещё резвее. Упырь очнулся и кинулся ловить рыбину. Карп не давался, Упырь упал на колени, прыгнул и прижал его к траве. Ракета ушла к горизонту, и больше её не было видно, лишь белый след остался.

Упырь поднялся на ноги. Карп хлестал его по морде, но Упырь добрался до пруда и выпустил туда рыбину.

Никакого тебе вечного покоя.

— Надо сетку над водой натянуть, — посоветовал я. — А то выпрыгнет и сдохнет.

— Да надо... — Упырь смотрел в небо и вытирал руки о штаны. — Папа сказал, что тут новые ракеты

установлены. Автоматические. Они могут проходить сквозь любую систему обороны. И стартуют самостоятельно, ими компьютеры управляют.

Ну да. У этого автоматические ракеты, Вырвиглаз врал, что смертники ими управляют...

— Обычные зенитные, — отмахнулся я. — Никакие не автоматические. Сбивать самолёты.

— Папа сказал, что это ракеты Гарантированного Взаимного Уничтожения. Даже если наша страна будет сожжена, все армии будут разбиты, а ракеты будут продолжать стартовать. И мы будем отомщены в любом случае.

— Какое уничтожение? Обязательное Взаимное Уничтожение?

— Гарантированное, — поправил Упырь. — Из-за этих ракет они на нас до сих пор не нападают.

— Кто они?

— Американцы, — уверенно сказал Упырь.

Так уверенно, что я подумал, что скорее всего так оно и есть.

— Но и зенитные ракеты там тоже имеются. — Упырь посмотрел на свои руки — они были все в мелкой прилипшей чешуе. — Для того чтобы защищать настоящие. Потому что сначала они сразу ударят по стартовым площадкам, а когда эти ракеты полетят, то наши зенитные ракеты будут их сбивать.

Я представил, как над нашим городом, над речками, над лесами, над крышами, разворачивается ракетное сражение. Одни ракеты разрывают другие ракеты, с неба разливается огонь, падают дюралюминиевые обломки, всё горит, все бегут, и земля по-живому вздрагивает, вздрагивает, вздрагивает от стартов...

— Ты думаешь, почему моего папу сюда перевели? Потому что он лучший специалист по мобильным электроустановкам, а для автоматических ра-

кет нужны мобильные электроустановки. Только это тайна, никому не рассказывай...

Я хотел пошутить, что расскажу это всё Вырвиглазу и тайне купут, но вовремя передумал — потом бы пришлось целый час убеждать его, что буду нем, как его карп. И я смолчал.

— Мне пора, — я соскочил с бортика пруда, — жуков лучше вечером собирать, они как раз вялые. Медленно бегают.

Хотя они и так медленно бегают. Ползают.

Упырь тоже соскочил с бортика.

— Пока, — кивнул я. — Завтра увидимся.

А как же ещё? Увидимся. Увидимся, куда деваться.

— Мороженое с собой возьмёшь? — неуверенно предложил Упырь. — С сиропом?

Я отказался. Упырь стал предлагать пиццу, но я ушёл. Домой хочу, к себе хочу, не могу на этого смотреть.

Не хочу.

От упырского дома до дороги есть специальный асфальтированный отросток, но я по нему не пошёл, а двинул напрямик, через Новый парк. Вообще этому парку сто лет, он давно зарос, и никто в нём не отдыхает. Зато щавель тут хороший. Нарву щавеля. А может, ещё подберёзовиков найду, говорят, кое-где повывезали.

На самом деле щавеля до дороги целый пакет надёргал, а грибов, возле трассы наткнулся на здоровенный свинар, брать не стал — тут лесовозы ездят, так что в этом свинаре один свинец, такой вот каламбурчик. Лесовозы и сейчас гнали, пыльные, страшные и опасные, каждый месяц пара штук да рассыпалась насмерть, хорошо хоть тут до моста недалеко, у Ильинского моста они сворачивают.

На мосту было настоящее лето, пахло водой, деревом и даже солнцем вроде как. На левом ледоломе

сидели рыболовы, совсем мелкие, на правом ледо- ломе загорали ребята постарше, а один забрался на водомер и намеревался нырнуть в яму. А несколько человек уже ныряли по фарватеру — считалось, что два года назад пэвэошный солдат уронил тут автомат Калашникова и его так и не подняли. У нас народ искательный, всё время что-то ищут. Ищут-ищут, найти никак не могут. А два мелких пацана так вообще — закинули на провода блесну и старались её снять длинной палкой. Дурачки. Хорошо бы взять Упыря, привязать к межконтинентальной ракете и запустить куда-нибудь... В Джексонвилл. У нас парень один учился, сын главврача, по национальности немец. У них родичи жили в Америке, как раз в Джексонвилле. И он всё время в этот Джексонвилл хотел уехать и записаться в американскую морскую пехоту. И всё качался, качался, поднимал тяжести, чтобы соответствовать пехотинским параметрам. И надорвался в конце концов, варикозное расширение вен, и ещё что-то внутри у него расстроилось — так что в результате он не мог за водой сходить на колонку...

Да. Я поднял пакет и вытряхнул щавель в воду. К листьям сразу же стала приставать рыба мелочь, буль-буль. А я стоял у перил, смотрел на всё это и на всех этих людей вокруг, смотрел, как два длиннющих лесовоза пытаются разойтись на перекрестке, и думал.

Думал о том, что должен убить Упыря.

ГЛАВА 2

Плохая примета

«Мой брат — оригинальный человек. Это правда. Многие специально выдумывают для своих историй разных оригинальных братьев, а мне и выдумывать не надо, у моего брата оригинальности хоть отчерпывай. Он её в «Боровик» сдавать может, как клюкву. Так уж получилось. Некоторых как половником в лоб отварили, все люди как люди, а эти с необычностью. Бабушка моя говорит так — «ненарочненькие». Или «ненарошненькие», точно не знаю, как правильно. Наверное, это от того, что в нашей семье все остальные очень обычные люди. Должна же была природа на ком-то отыграться?

Вот она на нём и отыгралась.

Хотя, если уж правду говорить, в районе нашем мой брат не самый ещё. В Коммунаре парень живёт, так он анаконду в бане держит. Настоящую анаконду, из Латинской Америки, где взял — неизвестно. И баню ему приходится каждый день топить, чтобы змея не замерзла, хорошо хоть, что он ещё в леспромохозе работает, с дровами нет проблем. Из-за этой анаконды у парня куча неприятностей, его даже из дома выгнали, но он анаконду так и не выпустил.

Такой вот серпентолог.

Так что мой брат — это далеко не № 1, всё-таки он змею не держит.

Зато мой брат помешан на похоронах. Многие считают, что это круче анаконды, но я не согласен — с анакондой в бане нельзя соревноваться.

Сенька похоронный маньяк просто, хоронит всех. У него велосипед, он на нём объезжает окрестности. Сейчас асфальт везде положили, так что объезжать легко, не то что раньше. Сенька едет и на дорогах подбирает разную дохлую мелочь. Сейчас машин стало больше и этой мелочи тоже стало больше, раз в неделю Сенька обязательно кого-нибудь притаскивает. То ежа расплющенного, то кролика, то иволгу, но чаще всего собак.

Собак много в последнее время стало, это из-за того, что кладбище разрослось. Народ приобрел привычку оставлять на могилах всякую еду — конфеты, печенье, бутерброды, за это даровое питание долгое время велась борьба между собаками и воронами, победили четвероногие. Они очень расплодились в районе кладбища, были наглы и правила дорожного движения игнорировали. Отчего частенько попадали в аварии с летальным исходом.

Попадут, а потом валяются, растопырив лапы. Они валяются, привлекают мух, а тут как раз появляется Сенька на своём велосипеде. Грузит труп, везёт к себе в сарай, а там уже мумифицирует. Ну, не по-настоящему, кишков не вынимает и мозг через серебряную трубочку не высасывает, так всё, доступными средствами оперирует, обматывает плотно скотчем, так что получается кокон. После чего кладёт в гроб и со всеми церемониями хоронит, всё как полагается, музыка играет, барабаны бьют, сборную Канады на кладбище везут...

Раньше Сенька мастерил настоящие гробы, из сосновых досок, но потом понял, что это очень накладно. Доски дорогие, а гвозди все приходится из разных полезных строений тырить, например из крольчатника. За крольчатник Сенька, кстати, был порот. И после этого стал всех хоронить в картонных коробках или во фруктовых ящиках. По средам с утра он всегда идёт к Озерову и берёт ненужную тару, так что у нас за домом целый запас, настоящая гора.

Поначалу Сенька закапывал всех за моим домом, но мать воспротивилась, поскольку хотела на этом месте развести хрен с прицелом на то, чтобы потом из него делать аджику к «Вятке». Так что пришлось братцу другое место подыскивать. Впрочем, это только радости Сеньке добавило, поскольку он сначала осуществил торжественную эксгумацию прахов (я чуть от вони не задохнулся), а потом уже осуществил обратное захоронение на новом месте. Но где, не говорит, хотя я подозреваю.

Поэтому его Черепом и зовут. И побаиваются и сторонятся. Да и сам Сенька этому способствует, распускает слухи о том, что все, кто его обидит, лягут в гроб не позже чем через год.

И в настоящих похоронах он тоже участвует, кстати. Он как наденет свои чёрные очки, как обрядится в чёрный костюм, как повяжет траурную повязку — ну просто такой маленький ангел смерти, как с картинки. Поэтому «Ритуал-М», единственное похоронное бюро в нашем городе его часто привлекает. Если у усопшего какие награды при жизни были, то Сенька идёт перед процессией и несёт их с важным видом на красной подушечке...»

Я устал и поставил точку. Потом перечитал, кое-где исправил, а в одном месте зачеркнул. Это я вообще-то не сразу написал, не сегодня, полторы недели ушло —

рекорд. Ну, кое-где я приврал немножечко, но это ничего, я специально поглядел в книжки — там врут огого как. Это и понятно, когда пишется так, как есть, то и читать неинтересно. А вот когда понагородят всякого — тогда другое дело. Хоть и смешно, понимаешь, что всё фигня, а интересно — как ещё наврёт?

Но в целом получилось ничего, мне понравилось. Я не ожидал от себя, что так вот выйдет складно, может, у меня талант. Мой брат хоронить мастер, а я в тетрадке писать умею. Хорошо.

Хотя, пожалуй, длинновато. Длинно. Про то, что Сенька боксёр, я, пожалуй, зря написал, это как-то не к месту. Но очень хотелось, чтобы было много, настоящие писатели всегда пишут много. И я не мог остановиться. Ну да ладно, я ведь на Нобелевскую премию и не претендую. И вообще, я только пробую. А вдруг у меня и правда талант? Сочинения я всегда хорошо пишу, меньше четвёрки никогда не бывает. А вдруг в этом моё будущее?

Я закрыл тетрадь, стал дышать и злиться. Я как-то кино посмотрел про одного человека, так он там так бесился, что весь дрожал и валил направо-налево предметы. Усилием злобы. Поглядит на стакан, а тот в стену. А ближе к концу фильма он так научился злиться, что мог машины переворачивать.

Мне бы так хотелось.

Поэтому я стал тренироваться. Ставил на полку спичечный коробок и пытался его уронить. Ставил, пыхтел, напрягался до красноты, иногда даже в животе начинало болеть, иногда аж глаза чуть не выскакивали. Но коробок не падал. Не падал и не падал, даже и не сдвигался немного.

Ничего у меня не получилось и в этот раз, все мои упражнения привели лишь к тому, что вместо двух минут в самом начале тренировок я теперь могу злиться почти пять.